

ЧИТАТЕЛЬСКИЙ КЛУБ „ЛГ“

ОТ ПИСЬМА — К ПРОБЛЕМЕ

РАЗВЕ ЭТО РОМАН?

Не могу сказать о себе, что я такой уж ревнитель всего традиционно-го, привычного в искусстве, что встречаю в штыки любую новацию, скажем, в музыке, театре. С литературой сложнее. Когда берешь в руки книгу, на обложке которой обозначено: «роман» — то и ждешь обстоятельного и объемного описания судеб героев, обстановки, их окружающей, эпохи, в которой разворачиваются события. Это роман не просто привычный, а ставший необходимым — читателю. Но вот современные писатели, мне кажется, все чаще и чаще, не учитывая этой чита-

тельской потребности, осознанно или интуитивно подлаживают под тех, кто «глочет» книгу на бегу, урывками, в автобусе, в электричке. Быстрее, быстрее! Появляются модернизированные формы: романы, как бы слепленные из нескольких фрагментов, роман в письмах, составленный из отдельных рассказов, «маленький роман»... А иногда бывает и так: читаешь в журнале повесть, потом, глядя, после переиздания в отдельной книге это же произведение, напечатанное без всякой переделки, уже именуется романом.

Недавно прочел ма-

ленький роман эстонского писателя Энна Ветемаа «Монумент». Читал с удовольствием, но с неким смутенным чувством — почему так отрывочно, я бы сказал, «усушено» представил нам автор своих героев? То же скажу и об интересном произведении украинского прозаика П. Загребельного «Львиное сердце».

Что это? Может быть, не большой традиционный роман ни у писателей, ни у нас, читателей, не хватает духу? Хотелось бы все же понять, как сами прозаики чувствуют себя в «обновленных рамках» этого вечного жанра.

П. ПАВЛОВ

САРАТОВ

Читателю отвечают писатель Э. ВЕТЕМАА и критик С. ЧУПРИНИН

ГРАНИЦЫ ЖАНРА УСЛОВНЫ

ПЕРЕД писателем нередко встает вопрос: в какой форме, в каком жанре лучше всего выразить задуманное — написать ли роман, рассказ или новеллу?

Не вдаваясь в рассуждения о преимуществах одного или другого литературного жанра, я могу лишь объяснить, почему лично я предпочитаю маленький роман.

Дело, конечно, не в том, что на большой роман у меня «духу не хватает», как выразился читатель П. Павлов. По всей вероятности, здесь играют немалую роль особенности творческой природы, быть может, и писательский темперамент. Позволю себе привести пример из области музыки и сравнить маленький роман, что, конечно же, весьма условно, с музыкальной формой — сонатным аллегро. Эта, как правило, одночастная музыкальная форма воспринимается легко, на едином дыхании и заключает в себе одну главную тему и ряд сопровождающих ее, побочных.

Так, например, в центре моего романа «Монумент» стоит образ карьериста Свена Вооре, человека, не лишеного личного обаяния. Я показываю его в обыденной, подчеркиваю, в обыденной обстановке, раскрываю его интимную жизнь и пытаюсь дать о нем наиболее четкое представление. Затем начинает звучать и «побочная тема»: столкнувшись с тихим, честным и порядочным Айном Саарма, Свен Вооре попадает в необычное для него положение. Назревает конфликт, что и приводит к кульминации: Свен Вооре вынужден реагировать, что-то предпринимать. И он предаёт Айну Саарма, ставшего его другом, тем самым поступаясь своими нравственными принципами. Осуждение предательства и есть главная тема моего романа. И как неизбежное следствие этого предательства — деградация личности.

В центре моих маленьких романов обычно стоит один герой, и за работу я принимаюсь, лишь когда уже отчетливо его себе представляю. Стремлюсь к тому, чтобы произведение по возможности чита-

лось легко. Для изображения же конфликта, на котором роман строится, мне надо примерно от 5 до 8 печатных листов. Возможно, в этом сказывается и привычка именно к такому объему. Но, по моему, это и самая рациональная форма для противоставления и столкновения людей двух различных типов.

Я не пишу рассказов и новелл, в которых действие как бы сконцентрировано в одном дне, что, на мой взгляд, подчеркивает мимолетность описываемых событий, сближает такую прозу с несколько импрессионистским жанром «музыкального момента». Многие рассказы таких корифеев малой прозы, как Чехов, Мопассан или мастер эстонской новеллы Туглас, сфокусированы на сравнительно коротком отрезке жизни; здесь в писательский объектив, говоря языком репортеров, попадает лишь несколько характеров, черт, положений, пусть даже чрезвычайно выразительных и типичных. Маленький же роман позволяет разворачивать камеру на сто восемьдесят градусов, всматриваться тщательнее в свой объект и среду его обитания. Но если классики специально суживали угол своего наблюдения, умея и в этом малом пространстве подметить общечеловеческие темы и явления, то мой писательский объектив явно не настолько чуток.

Определение и точное разграничение жанров романа, рассказа, новеллы, вероятно, спорно и, возможно, условно. Но, как мне кажется, маленький роман позволяет делать большие обобщения, чем рассказ, давая более развернутые картины. Когда же в действии участвует значительное число персонажей, то в силу вступающих канонов уже других форм — произведений панорамных, эпических... В то же время маленький роман представляется мне как бы «спрессованным» вариантом романа традиционного: он предполагает точность и скупость в средствах выражения и обязательно четкую сверхзадачу, как это свойственно драматургическому произведению с ограниченным кругом действующих лиц. В маленьком романе органично сочетаются емкость формы с лаконичностью содержания.

В свое время, полагаясь только на интуицию, я написал беспомощную новеллу. Теперь же храню верность маленькому роману. Но ручаться, что не стану испытывать своих сил в других формах и жанрах, не могу. Ведь в каждом из нас живет стремление к обновлению.

Энн ВЕТЕМАА

ТАЛЛИН